

— Там отбивные с гренками. Захочешь — возмёшь, — зашнуровав ботинки, Вячеслав показал Рамилю на аккуратный сверток, лежащий на сиденье.

— Конечно, эта пассия на твоём фоне безукоризненно смотрится. Только зайдя к тебе в офис и увидев твою новую женщину вместо Вариной фотографии, я понял, насколько всё серьёзно. Мог бы раньше оповестить о своих метаморфозах.

— Мне, Рамиль, при наличии всех фактов для итогового заключения не хватает сейчас, как в твоей диссертации, нескольких выводов.

— Скажи ещё, что я сую свой татарский нос не в своё дело, — шутливо съязвил Рамиль, разматывая подвесные ремни.

— Скорей интуицию, чем нос, дорогой. Я накануне хотел звонить тебе, чтобы нам как-то выбраться сюда. Но ты, как фей, несмотря на забинтованную кисть, появился в офисе в самый нужный момент и сам предложил проветриться, — ответил Вячеслав, вынимая из багажника мотор.

— О, хоть разговорился трошки! А то всю дорогу сидел сыч сычом. Давненько у тебя такой физии не наблюдалось. Удалить бы с неё кое-что, — помогая Вячеславу прикручивать винтовой обод, проговорил Рамиль.

— Если медицина уже научилась удалять бельмо под названием «неопределённость», то я согласен ввериться твоему скальпелю.

— Бельмо бельму рознь, Слава. Алим позавчера настроил мне на электронной собаке: «Англия похожа на едущий под дождём лимузин. Снаружи — сыро, внутри — сухо. В общем, традиционно». Это я к тому, что если нам с тобой до сих пор хватало драйва не развозюкаться по жизни и толкнуть детей на виток выше себя, то и дальше справимся не хуже. Заметил в машине: помимо парашюта, я и думоносный стул с ноутбуком прихватил, чтобы совместить сегодня приятное с необходимым?

— Ещё бы не заметить. Ты же на этом раскладном думоносце первую статью о коррекции косоглазия наклепал и кандидатскую высидел. И в прошлом году на Ай-Петри на нём восседал перед своим пятисотым взлётом. Не сомневаюсь, на олимпиаду в Сочи тоже его потащим, чтоб успешней болеть. Кстати, когда у тебя защита?

— В ноябре-декабре. Потом опять начну биться за идею фикс — крымский глазной центр на базе фёдоровской технологии. Замацанная политика местечкового разлива вконец согражданам мозги запломбировала. Брат сколько лет зовёт в Казань! Уже и старшего сманил для вескости. А мне в отличие от старшего брата и старшего сына не хочется вырывать корни из Тавриды. Житейская лыжня длинней олимпийской, но... Смотри-ка, — перебил себя Рамиль, вешая на шею рацию, — какой ветер устойчивый! И количество облаков отмерено, как в аптеке. Недаром сегодня столько лётного народу прибыло. Вот у кого широта взгляда определяема качеством эмоций.

— Верно, доктор. Не вкапываясь в повсеместный раскардаш, лётное племя хребтом чует свои потоки и ни за что их не упустит. Скажи, как Лиля? Соглашается с тобой по поводу поступления или всё ещё колеблется между врачом и программистом? — оставляя в машине мобильник с чехлом от фотоаппарата и надевая перчатки, спросил Вячеслав.

— Как раз на днях, Слава, я опять доказывал ей, что из неё может выйти классный офтальмолог. И не только потому, что она моя дочь, которой надо отдуваться за двух старших братьев. Показалось, она внимательней обычного вслушивается в мои доводы. Надеюсь, хотя бы младший ребёнок пойдёт по моим стопам.

— Почему-то думаю, обязательно пойдёт. За оставшийся год колледжа твоя строптивница окончательно поймет, что медицина — не уступка отцу, а, пожалуй, единственное для приложения её генных возможностей.

— Ладно, лстец и утешитель. Окажешься правым — одарю тебя билетом в Сочи. Туда и обратно. А пока — обод прикрутили, бензин залили, осталось связь проверить, — ответил Рамиль, закрывая багажник с ещё не расчехленным парапланом.

— Хорошо слышишь? Может, первым поднимешься? — отойдя на два десятка метров, проговорил Вячеслав в шлемофон, стоя к машине спиной.

— Слышу отлично, — отозвался Рамиль. — Подъёма хочу! Рука позволит — зайду позже на пару кругов. Вон двое знакомых подъехали. Они меня подстрахуют.

Отключив радиосвязь, Рамиль взял в охапку его параплан и стал подниматься на косогор. Немного задержавшись с пристёгиванием подвесных ремней и нагнав затем широкую спину друга, Вячеслав спросил:

— Что ж ты молчал, шайтан тебя дерит, что кисть ещё болит?! Я бы сам вынес крыло вверх.

— Сам-то с сорокакилограммовым мотором на горбу архаром избегаешь. А мы чем плохи? На все боли внимание обращать — никакого здоровья ни на что не хватит, — забросив на плечо соскользнувшую стропу, без остановки и одышки заметил ему Рамиль.

— Ты при Юле не захотел уточнять. Но как же всё-таки так получилось, Рам? Ты ведь сизмальства помогал деду деревья обрезать?

— Ото и сам удивляюсь. Угораздило ж меня лезть на треклятый орех! Ветка низко нависала, заставляя постоянно ей кланяться. Полез спилить. В конце подпила ступенька лестницы подломилась, и я следом за веткой на землю — шмяк! Ни переломов, ни трещин, но из-за ушиба кисти вторую неделю не оперирую.

— В таком случае сокращу на треть маршрут. Чтобы ты не перенагружал руку, выруливая между скал на нашу площадку, — сказал Вячеслав Рамилю, опуская мотор на вершине косогора.

— Нет, Слава. Одному Аллаху известно, когда ещё доведётся мне проветрить свой параплан. Тем более встретить закат возле Меганомы. Посему действуем, как всегда, без отклонений в решениях. На обратном пути, так и быть, машину по серпантину сам погонишь, — заключил Рамиль, расстилая с другом бело-синее крыло.

Да, Вячеслав должен принять окончательное решение! Эта неопределённость за последние недели совсем измотала его. Закрепляя подвесной мотор у себя на спине, он знал, что сегодня скажет сам себе «да» или «нет». Оглянувшись на разостланную ткань мотопараплана, чтобы ещё раз убедиться в правильном положении каждой из четырех групп строп, Вячеслав ответно махнул рукой наблюдающему за ним Рамилю. В голове уже четко высвечивалась траектория предстоящего полета.

Тридцать семь лет занятий дельтапланеризмом, плавно перешедших к пара- и мотопланеризму, приучили его становиться в момент взлёта неким бесстрастным радаром, улавливающим и отражающим только самое важное. Вот и сейчас, несмотря на муторное состояние, запустив винт для сокращения дистанции пробежки, он уверенно начал разбег

с прибрежного косогора. Дрожь от включённого помощника сливалась с растущим напряжением тела. Ещё несколько мгновений разгона — и капроновое крыло, ожив под двойным напором встречного ветра, нависло над головой, легко отделяя Вячеслава от земной тверди. Он выключил мотор. Тишина распахнула свои объятия. Не хотелось сразу набирать большую высоту, хотя мощные восходящие потоки искушали скользнуть по ним в облачные ворота, нависшие между горной грядой и золотистой рябью моря. «Возьму левее хребта, схвачу лощину с новой точки. Отправлю снимки Ваньке. Пусть отпрыск увидит, что обогнал его на два очка. Будет должен ещё одну банку сгущёнки». Цепочку приятных мыслей прервало слово «должен», оно опять стало разламывать его пополам. Земные перипетии даже здесь, в пределах воздушного океана, держали мертвой хваткой. Между тем, паря на ветровых течениях, параплан приближался к намеченной точке обзора. Море оставалось теперь позади. Обнаженный бок горы на фоне густого леса напоминал гигантскую плешь. Вспомнилось, как двенадцать лет назад на ещё безмоторном параплане он впервые поднялся в небо с сыном и они пролетали над этим местом. Ванька, не в силах сдержать эмоций, чуть не оглушил его, прокричав в самое ухо: «Папа смотри, какую лысину горе выбрили!» Сколько всего пронеслось с того дня! Сильный воздушный поток отвлёк от воспоминаний. Маневрируя клевантами, Вячеслав начал выравнивать смещающийся влево курс полета. Секунда, вторая, третья... Послушный мотопараплан подогнул правое «ухо», выполняя нужный манёвр.

Пролетев ещё метров девяносто, Вячеслав невольно свистнул, догоняя восторг словами: «Роскошный вид! Отсюда лощина совершенно другая. Жаль, Ваньки сейчас нет рядом. Ладно, для подтверждения прав на сгущёнку схвачу увиденное».

Он достал фотоаппарат, чтобы запечатлеть дикую, никем ещё не загаженную природную чашу с удивительно сочной зеленью. Казалось, что солнечный свет колеблется из стороны в сторону в этом живом вместилище, по верхнему краю которого резным орнаментом тянулся тёмно-красный базальт. Фотоаппарат успел щёлкнуть шесть раз. Можно было больше, но осталось всего два кадра. Вчера вечером, собираясь в эту поездку, он забыл положить новые стельки в лётную обувь и перезарядить плёнку.

Пряча за пазуху фотоаппарат, Вячеслав с гнетущей необратимостью вдруг осознал, какой сладко-выжигающий вал внесла в его жизнь Юля. Чего ему не хватало? Он был одним из лучших в Крыму специалистом по морозильным установкам, мастером спорта по прыжкам с парашютом, главой семейства с двадцатидвухлетним стажем. Таким цельным, знающим себе цену человеком он ощущал себя до последнего времени. Эта доминанта внутренней слаженности всегда была с ним. Да, наверно, ему чаще везло, чем другим. Судьба обычно помогала сделать тот или иной шаг, не хватая за шкуру и не шарахая мордой об стол. Теперь та же судьба, точно насмехаясь над прежними щедротами, предложила самый сложный выбор.

Закончив начальную часть полёта, Вячеслав развернулся в сторону моря. Табло высоты показывало что набрано 130 метров. Взяв за ориентир облако-сфинкс, которое живописно перемещалось метрах в двухстах от береговой линии, он направил параплан к нему. Не сосчитать, сколько раз Вячеслав смотрел на судакское побережье, вот так паря над ним. И всё равно оно никогда не надоедало его глазу. Каждый раз этот перл крымской природы как будто тоже ждал встречи, приготовив то отличную погоду, то, как сегодня, раскрывал по-новому свои красоты. Однако идея обосноваться здесь когда-нибудь даже не приходила Вячеславу в голову. Дело было не в затратах или в нежелании ради

восточнорбережной окраины продавать хороший участок земли, купленный им девять лет назад в черте Симферополя. Нет, причина была в другом. Приезжая сюда не один десяток лет, он словно расстёгивал душу, вырвав себя из Гольфстрима повседневности. Здесь терялась острота вечных проблем, а мозг получал отличную встряску после вереницы рабочих недель и месяцев. Поэтому он считал: от постоянного пребывания среди здешних пейзажей сойдёт на нет, приесться что-то существенное для него.

Приближаясь к границе суши, мотопараплан совершил нырок в пустоту. Дернув ручку газа, Вячеслав вторично запустил мотор. Через пятнадцать — двадцать метров внизу заблестела вода.

— Чем я не чайка, скорей отвечай-ка? — бросил он по привычке в пространство.

Но мысли о Юле нахлынули снова.

День их знакомства многозначным иероглифом врезался в память. Это произошло полтора года назад. Она появилась в том самом торговом центре, где он давал консультацию. Уже выходя из кабинета, Вячеслав почти столкнулся с нею в двери. Обоюдное «ой!» опередило слова приветствия главного менеджера:

— Вай, кто приехал в гости к старому Резо! Зачем нэ сказала, что будешь? Шеф в Азов уехал, все дела на меня бросил. Морозилки холодить перестали! Спасибо Слава Александрович с зарёй прибыл, нэ то все рыбы затухли бы. В Ялте живу — моря нэ вижу...

— Да ещё я свалилась на вашу бедную голову. Правда, Резо Мерабович? — прервала она подошедшего грузина.

— Э-э, Юлико! Разве может такая женщина, как ты, просто свалиться на голову? С той головы дэньги должна как водопад бежать, чтоб твоя рука и уши отдыха нэ знал.

Она засмеялась искренним, хотя и сдержанным смехом. Не обращая на Вячеслава внимания и обнимая гостью за талию, Резо подвел её к журнальному столику, усадил в кресло. Всё это время Вячеслав держал ручку двери, ловя носом необычный запах духов с тонким оттенком корицы. Удивило, что эта женщина вошла сама, без доклада секретарши. Кроме того, до появления посетительницы Резо был сухим, тянущим паузы собеседником, а при ней как-то сразу поплыл, точно лёд на сковороде.

— Извините, дорогой Слава Александрович, забыл до свздания сказать. Везите компрессоры. Будем сдэлыват, как сказали.

Резо пожал ему руку. Вячеслав, ответив тем же, пожелал всего хорошего и вышел.

Спустя примерно три часа на Ангарском перевале ему в глаза бросился аварийный знак. Серая «Камри» с ненормально вывернутыми колёсами скособоченно застыла на обочине. Возле распахнутой дверцы, не двигаясь, стояла Юля. Её лицо было бледным и озабоченным. Она обратила на Вячеслава внимание только тогда, когда он подошёл к ней.

— Вы?! Какое совпадение! А мы уже час кипарисы здесь считаем.

— И на каком числе остановились?

— Хана, Юлия Михайловна! Тормозной шланг накрылся, — не дал ей ответить вылезающий из-под машины парень.

Внешне она старалась сохранять спокойствие, но растущего волнения спрятать не удавалось.

— Коля, Коля, если бы ты знал, как подводишь меня!

— Причём здесь я? Какую машину дали, на той и вёз, — полуогрызнулся водитель.

— Вячеслав Александрович, вы в Симферополь? — спросила она дрогнувшим голосом.

— Да. Не волнуйтесь, я подвезу вас.

— Тогда можно к вам в багажник бросить пакет с рыбой? — с явной неохотой задала она новый вопрос.

— Там уже лежит один. Так что ваш аромата не испортит.

— А как же со мной? Мне ночевать тут, что ли? — снова вмешался в разговор водитель.

— Нет, Коля, за перевалом сразу позвоню в нашу контору, чтобы прислали помощь. Ночевать будешь дома, обещаю.

— Ну, Юлия Михайловна, почему я должен сам здесь париться?

— Коля, — оборвала она его резко, но не громко, — сколько дней ты едешь на этой машине? Неужели нельзя было проверить, всё ли нормально? Или, сев за руль иномарки, про остальное думать не надо?

Парень покраснел скорее от досады, чем от стыда. Смотря на него в упор, она договорила:

— Принеси мой портфель и пакет. Считай, что нам сегодня повезло как никогда. Вместо реанимации или морга на ногах стоим.

Когда водитель с понурым видом отошел от них, несколько секунд Вячеслав и Юлия смотрели друга на друга. Потом, поворачиваясь к своей машине, он произнёс:

— Пойдёмте.

— Разрешите, я сяду вперёд? — попросила она, когда он хотел открыть заднюю дверцу «Опеля».

— Юлия Михайловна, теперь меня уволят, да? Вот ваши вещи. Куда положить? — суетился подбежавший водитель.

— Кладите рыбу сюда, — ответил Вячеслав парню, подняв крышку багажника.

— Ну, так как же, Юлия Михайловна? — отдавая ей портфель, нудил водитель.

— О работе поговорим на работе, Коля, — отрезала она, взяв портфель.

Неловко сунув пакет в багажник, парень сплюнул в сторону проехавшей «Волге» и зашагал к сломанной машине.

Какое-то время ехали молча.

Второй раз за день эта молодая женщина заставила его удивиться. Ни ругани, ни истерики после пережитого стресса у неё не было. Она то и дело мельком поглядывала на часы и опять уходила в свои мысли. Когда спустились с перевала, её мобильник запел «Чижики-пыжика».

— Да, моя хорошая, уже возвращаюсь... Да, пришлось немного задержаться... Нет, солнышко, не волнуйся, к приходу гостей буду дома... Конечно, как договаривались, кубете ты готовишь. Бабушка только поможет правильно мясо нарезать. Папе перезвони, напомни, чтобы пак воды купил... И я целую тебя.

Закончив разговор, она объяснила:

— У дочки сегодня день рождения, а маме чуть голову не снесли. Прежний водитель на пенсию ушел, приходится с новым ездить. Не встретить вас, Вячеслав Александрович, неизвестно, сколько времени потеряла бы.

Говоря это, набрала номер. Послышалось хриплое «алло».

— Привет, Паша. Я с новичком возвращалась из Ялты, на перевале отказали тормоза. Подробности — потом. Оба живы, слава богу. Сообщи, пожалуйста, в наш гараж, пусть вышлют аварийку... Почему поздно? Сейчас только четвертый час. Если не будут чesаться, к восьми обратно вернутся... Нет, это ты, Паша, послушай! Даже в КРУ- иногда

надо выполнять какую-никакую работу, а не только зарплату получать... Хорошо, позже перезвоню.

Под равномерный гул машины и приглушенное звучание Джо Дассена опять воцарилось молчание. Вдруг, на секунду повернув голову, Вячеслав увидел, что её глаза наполнены слезами.

— А знаете, Юлия Михайловна, — обратился он к ней, впервые назвав по имени, — вы действительно необычайно везучи! С такими недосмотрами машины превращаются в лепешки, про людей и говорить нечего. На вас же вроде ни одной царапины нет, плюс день рождения дочки отмечать едете.

— Извините, Вячеслав Александрович, расслабилась. Вы правы, лучше радоваться собственному везению, чем обращать внимание на непролазное хамство других. Дядя Резо сегодня тоже сказал: «Не забывай улыбаться, чтобы сердце не темнело».

— Значит, вы давно знакомы с Резо?

— Мой покойный отец служил с ним в Забайкалье. Батоно Резо — чудный человек. Для меня до сих пор остаётся загадкой, как ему удалось сохранить акцент. Он ведь круглый сирота. Уже лет сорок живет вне Грузии, вдобавок женат на хохлушке. Они с отцом были друзьями не разлей вода. Года за четыре до распада Союза отец перед своей отставкой предложил и помог ему из северных краёв перевестись в Крым. Так дядя Резо из инженера погранвойск сначала превратился в держателя торговых палаток, потом открыл рыбный бизнес.

— То-то я удивился вашей выдержке. Оказывается, вы дочь военного.

— Притом потомственного. Дед с прадедом тоже были связаны с воинской службой, — ответила она на его реплику и, подождав, пока он делал обгон, добавила: — Пожалуй, только через расстояние прожитых лет начинаешь понимать ценность того, что в тебя вложено родительским трудом.

Они уже проехали Алушту, когда Юля снова набрала какой-то номер. Чьё-то недовольство с другого конца эфира сразу бросилось в её ухо? Она слушала, не перебивая. Затем отчеканила:

— Я не в детском саду работаю. Пусть отвечают те, кто брал этого недотёпу водителем. Спасибо, что отправили эвакуатор...

Неожиданно Вячеслав увидел дельфинов. Грაციозно рассекая водную фольгу верхними плавниками, они унеслись на большой скорости в открытое море. «Надо же, какое совпадение!» — поразился он. Юля вчера прямо задрожала, рассказывая ему недавний сон. Ей приснились врытые в землю кричащие дельфины, среди которых она оказалась. Впрочем, не удивительно, что, живя из-за него на два дома, её кошмарят такие сны. Но даже зная, что эта его поездка может закончиться для неё неизвестно чем, она осталась верна себе. Примчалась сегодня спозаранку, нажарила на дорожку гренок с отбивными и пожелала хорошего ветра...

Вячеслав крепче сжал клеванты, всё дальше удаляясь от суши. Хотелось увеличивать и увеличивать эту межу между двух миров. Море захватывает не столько своим непомерным масштабом, сколько чем-то неразгаданным, первобытным, что одновременно настораживает и манит, проникая в самую сердцевину твоего существа. Друзья-парапланеристы подшучивали над ним за эти вояжи к морскому горизонту. «Зачем так рисковать? Вдруг мотор заглохнет — на трезубец Нептуна садиться будешь?!» —

говорили они. Но он продолжал совершать полёты над сверкающей равниной, доверяя своему спортивному опыту и стрекочущему за спиной мотору, делая это не ради показного азарта, но из-за необъяснимого желания вобрать в себя энергию и красоту неисчерпаемого пространства.

Однако нужно экономить бензин. Развернувшись по направлению к земле, он увидел около тридцати безмоторных разноцветных крылышек-парапланов, кружащих возле вальжных облаков. Нельзя было не залюбоваться, глядя на то, как мастера своего дела осёдлывали воздушные потоки, выполняя всевозможные виражи. А облако, раньше походившее на сфинкса, отсюда, со стороны горизонта, выглядело шаром неправильной формы. Оно проплыло вдоль крепости и, увлекаемое северо-восточным ветром, двинулось в сторону Меганомы. «Вот шkodное! Будто знает мою траекторию», — машинально отметилoсь им. Направляя крыло по избранному курсу, он вернулся к кадрам-воспоминаниям.

Да, так они познакомились. Вячеслав довёз её до самого дома. Хотя после того, как въехали в город, она порывалась взять такси. Отдавая пакет с рыбой, Вячеслав, конечно, заметил, что она ждала какого-то вопроса. Он же сказал:

— Поздравляю вас с именинницей. Вашей дочери есть в кого пойти. Желаю ей стать сильной и везучей, похожей на маму.

— Благодарю вас, Вячеслав Александрович, — и за слова, и за помощь. Несколько часов всего с вами знакома, но почему-то кажется, что очень давно.

— Может, в прошлой жизни пересекались? Оттого-то и свиделись сегодня по старой памяти? — собираясь садиться в машину, в шутку предположил он.

Улыбнувшись и не прощаясь, она пошла в подъезд.

Ровно через неделю на презентации нового ресторана они встретились снова.

— Приятного аппетита, Вячеслав Александрович! — услышал он знакомый голос, уминая телятину с сельдереем.

Подняв глаза, увидел её стоящей возле его столика. Жестами извиняясь за набитый рот, предложил свободный стул подле себя, налил ей коньяка. Чокнулись. Он выпил, Юлия чуть пригубила. Наконец поздоровались. Несмотря на царивший вокруг шум, разговор завязался сам собой.

— Чтобы мне не есть одному, что вам заказать?

— Я уже ужинала. Кроме чашки кофе и мороженого, ничего не надо, — не скрывая радости, ответила она.

— Как прошёл день рождения дочери, Юлия Михайловна? Кубете получилось? — сделав заказ, спросил он.

— Для первого раза она неплохо справилась. Правда, с перцем чуток переборщила. Тем не менее сверстники заодно со взрослыми поглощали её стряпню за милую душу. Так что кулинарный дебют удался. День рождения — тоже.

— Вы рассказали домашним о происшедшем с вами на перевале?

— Рассказала, Вячеслав Александрович, в общих чертах. Сказала, что машина заглохла, да проезжавший мимо хороший человек не дал опоздать на семейное торжество.

— А в этом ресторане вы оказались в качестве «государева ока» или дорогой гостьи?

— Ни то, ни другое. Меня здесь подруга бросила. Хотела показать своего жениха. Но тот сообщил, что по пути сюда ногу подвернул. Как только она его эсэмэску прочитала, помчалась спасать очередное счастье.

— Что значит — очередное?

— Все её избранники либо помирают, либо сбегает. Но самое поразительное, что, обеспечивая себя с ног до головы, она продолжает неистово любить каждого своего мужчину.

— Выходит, чеховская «душечка» ещё существует как вид?

— Куда же ей деться? Из своей сущности не выпрыгнешь, как ни старайся, — с удовольствием смакуя мороженое, произнесла она.

— Что вы имеете в виду, Юлия Михайловна?

— Женский карьеризм — зачастую оборотная сторона одиночества. Хочется отомстить сильному полу за его куцее отношение к тебе, за собственное нежелание или неумение любить. Мотивы самые разные — суть одна: заглушить в себе ту самую «душечку» с её неистребимым ожиданием тепла и понимания.

— Вы в чём-то осуждаете подругу?

— Наоборот, завидую. Она в своих чувствах не стесняется быть белой вороной.

— По-моему, вы сами, Юлия Михайловна, белей любой белой вороны. Я даже про зверский голод забыл, слушая вас, — сказал Вячеслав, как бы невзначай прикоснувшись к её запястью.

— А почему вы такой голодный?

— В связи с открытием этого ресторана. Холодильные камеры застряли где-то на таможне. Пришлось устанавливать их на два дня позже графика. Владелец не хотел отменять презентацию. Вот я со своими людьми и просидел здесь целые сутки, монтируя оборудование. Зато — и наличка в кармане, и вкусный ужин, притом за чужой счёт.

— Разве без вас не могли выполнить необходимую работу? — делая очередной глоток кофе, удивилась Юля.

— Могли. Но подстраховаться никогда не вредно. Эти камеры — с новой цифровой начинкой. Параметры её настройки не все успели освоить. Наша фирма угрожала не один год на репутацию. Поэтому для поддержания рекламной наживки в случае чего и гайки верчу, и кувалдой стучу.

— Ваши люди тоже здесь, Вячеслав Александрович?

— Были, да разбежались кто куда. Один на свидание, к другому родня с Памира приехала, третий просто вымотался, пошел выспаться. А у меня квартира в осаде, стены бьют, кафель меняют. Жена с сыном на крестины в Суздаль махнули. И за невозможность поехать с ними наложили пеню, возложив на меня проблему обновления и обустройства.

— У вас давно не было ремонта?

— Скорей это его продолжение. Купив по случаю соседскую жилплощадь, никак руки не доходили до её окончательного присовокупления. Спасибо шурина, подтолкнул процесс, родив третьего ребенка. Видите, Юлия Михайловна, сколько шестерёнок зацепилось друг за дружку, чтобы нам с вами снова встретиться.

— Случайных встреч не бывает, я в этом не раз убеждалась, — расслышал он Юлины слова сквозь брызнувшую с эстрады музыку.

Не сговариваясь ни взглядом, ни словом, как только Вячеслав закончил ужинать, они вышли на улицу.

— Сегодня, наверное, моя очередь вас подвозить, если вы безлошадны? — будто выгравировала каждую букву стоящая перед Вячеславом женщина, вынимая из сумочки ключи.

Тот первый поцелуй в её машине был таким нескончаемым, таким ответно-чувственным, властным, неутолим! Поцелуй, который грезился ему со дня их знакомства.

— Тут неудобно. У меня есть пустая квартира, мы можем туда поехать, — прошептала она, высвободив свой язык из его губ.

— На просторе, конечно, сподручней, — не отнимая ладони от её горячей трепещущей шеи, тоже шепотом ответил он.

Чуть позже, когда светофор уставился на них красным глазом, он предложил:

— Я не обижусь, Юлия Михайловна, если притормозите возле аптеки и попросите приобрести защитную амуницию.

— Зачем, Вячеслав Александрович? Вы же не из породы меченосцев, несущих на своих вздёрнутых клинках разорение с недоразумением?

— У вас в КРУ все такие прозорливые человековеды сидят?

— Да нет. Но, поскребя по сусекам, кое-кого найти можно, — плавно выжимая сцепление, ответила Юля...

Четыре или пять часов, проведённых ими наедине тем апрельским вечером, для обоих явились новой главой жизни.

Зайдя в просторную, прекрасно обставленную квартиру, Вячеслав спросил:

— Вы меня на свой запасной аэродром завели, не так ли, Юлия Михайловна?

— Нет, это приданое дочки. Я купила эту квартиру пять лет назад у одного отъехавшего немца. До последнего времени сдавала её. Потом решила привести в порядок. Точно предчувствовала, что самой понадобится укромный угол, — ответила она, не сводя с него серых ожидающих глаз.

— Ваша откровенность неподражаема, Юлия Михайловна.

— А ваше показное занудство неуместно, Вячеслав Александрович.

— Как же тут не занудствовать, когда в меня, как в кудлатую овцу, трудовая пыль набилась? Того и гляди, начну посыпать ею ваши дорогие полы.

— Вот и шли бы лучше в душ. В шкапике на полочке найдёте мыло с губкой.

— Припасливая вы, однако, Юлия Михайловна, — оставляя её в комнате, вслух передразнил сам себя Вячеслав.

Юля раскрыла дверь в ванную минут через пятнадцать после того, как он встал под душ. С заколотыми на макушке волосами, обнаженная, желанная, она упивалась его взглядом. Затем, переступив порог, медленно подошла к протянутым к ней рукам.

Уже на постели паузы между жгучими ласками заполнялись не менее жгучими фразами.

— Там, в кабинете, я краем глаза видела, как ты смотрел, когда дядя Резо меня обнял. И, конечно, подумал, что я его любовница. Правда?

— Правда. Потом подобрал тебя на перевале, и все думы вышибло. Обрадовался, как пацан.

— Почему же тогда просто уехал, даже визитку вроде сувенира не попросил? — прижимаясь к нему всем телом, спросила она.

— Антураж не способствовал. А ещё — не оставляла уверенность, что снова пересечёмся.

— Кошмар! Мы могли вообще не встретиться! Я со своим сослуживцем поехала в Ялту для проверки финансов порта. Оказалось, накануне главный бухгалтер сына женил. Сидел

за рабочим столом в полном ажуре сивушных паров. Двух слов связать не мог, не говоря о делах. Решила старика Резо проведать. Почти год не виделись с ним. А там — ты. Такой духовитый, осанистый, неприступный. У меня мурашки по спине побежали от желания коснуться тебя. Давно такого не чувствовала.

— А куда делся сослуживец? — зажав её бедра между своими, с учащенным дыханием съехидничал Вячеслав возле крохотной родинки на левой Юлиной груди.

— Остался до утра в Мисхоре, у знакомого. Не захотел туда-сюда мотаться. Мне ж пришлось на другой день возвращаться, чтобы выслушать протрезвевшего главбуха. Знаешь, — обвивая его торс руками в новом порыве нежности и страсти, с какой-то неподдельной доверчивостью говорила она, — если б не увидела тебя в ресторане, начала бы искать. И не боюсь в этом признаться.

— Разве в твоём лексиконе, Юленька, осталось слово «боюсь»? — прерывая движение по влажному животу, уточнили его губы.

— Да, верно, я разучилась бояться с тех самых пор, когда через меня походя переступили близкие люди. После таких подножек трудно сберечь в себе не только страх, но и что-то хорошее.

— Но ты же сберегла. И с циничной дрянью, кажется, не сроднилась, — эхом отозвался он на корябнувшую фразу.

— Может, именно поэтому столкнулась с тобой?! — по-детски сложив ладони возле его уха, тихо-тихо шепнула она...

Воздушные потоки, как заботливые няньки, подхватили мотопараплан и плавно понесли его к Судакской крепости. Он и не заметил, что мотор, отключённый им за временной ненадобностью, молчит.

Панорамный вид снова изменился. Справа тянулась коричневатая горная цепь, за которой, обтекая подножия тёмно-зелённых холмов, пестрел старыми и новыми крышами жилой массив. Завиднелась двугорбая гора Болван, своими расплывчатыми одутловатыми формами отчётливо контрастируя с расположенной неподалёку от неё соседкой — горой Сокол. Застыв над обрывом, эта гора с обликом хищной птицы, казалось, вот-вот распахнёт огромные крылья и ринется на высмотренную добычу. Слева, вдоль побережья, изумрудно-синими красками засверкали лагуны. Каждая, имея свои причудливые контуры скального обрамления, задерживала взгляд на себе — красавице. С высоты птичьего полёта играющие цветовыми оттенками лагуны могли сравниться разве что с ювелирными изделиями, то ли кем-то забытыми, то ли специально оставленными. А прямо под ногами Вячеслава зачернели развалины крепостных стен. Было хорошо видно, как по когда-то неприступному плато, как по бильярдному столу, туда-сюда перемещались туристы-шарики. Чей-то ребёнок помахал ему рукой, напомнив детство, отца.

Отец привёз сюда Вячеслава и Рамиля, в то время девятилетних мальчишек, только что перешедших в четвёртый класс. С волнистой проседью, коренастый, в вельветовой куртке, отец сам смахивал тогда на одного из средневековых купцов-генуэзцев, о которых рассказывал им, двум несмышлёнышам. Рамиль первым заметил два дельтаплана, летящих со стороны Коктебеля. «Славка, глянь, Икары летят! Вот бы нам так!» — показал он на приближающиеся треугольники. С того дня заронила мечта летать.

Уже через шесть лет два закадычных друга ехали с инструктором по дельтапланеризму в Коктебель для своих первых самостоятельных взлётов с горы Климентьева. А ещё через три года они с Рамилем, проходя армейскую службу в десантных войсках, узнали вкус

парашютных прыжков. Когда ревущий «Ил-76» выбросил их из своего чрева в звездную ночь, как поразила его наступившая на какие-то секунды под раскрытым куполом тишина! Рамиль после тех учений отреагировал не менее своеобразно: «Пока спускался, думал, лопну от кайфа. К дельтаплану надо парашют приделать, чтобы радость не кончалась». Да, с годами те далёкие мгновения не потускнели под нескончаемым наплывом разноликих обстоятельств. Наоборот, сохраняя прежнюю самооценку, они обретали большую ёмкость...

Мощная воздушная волна понесла мотопараплан вглубь побережья. Наизусть зная термальную карту здешних ветров, Вячеслав несколько минут бездействовал. Затем, поймав восходящий поток над ближним холмом, «подгрёб» в фарватер двух облаков и, перемещаясь вместе с ними по замысловатой кривой, вернул крыло на линию маршрута. «Если б внизу всё было так же просто!» — крюком поддела его собственная мысль, возвращая на траекторию земных событий.

«Слепая игра совпадений, подарившая новую сверкающую грань жизни, или обыкновенный блуд самцового пошиба? К какому разряду отнести наши отношения с Юлей?» — десятки раз спрашивал себя Вячеслав. В те раскалённые часы первой близости она своими откровениями озвучила те же ноты, которые будоражили и его душу и тело. От встречи к встрече потребность в присутствии этой женщины прорастала в нём с неудержимой силой. Со своей стороны Юля делала всё возможное, чтобы их свидания оставались как можно дольше незаметными для его семьи. Ни разу не позвонила к нему домой, только на мобильный, выбирая те минуты, когда он мог говорить без оглядки по сторонам. Непостижимым образом она всегда угадывала его местонахождение. А он, не программируя Юлин номер на отдельное звучание, с неожиданным для себя наитием по заигравшей вдруг мелодии стал отличать её звонки от других.

«Телепат хренов! Каким органом отгадываешь?! Будь у неё щербинка в зубах и уши спаниеля, что тогда?» — гвоздил Вячеслав свою сознательность в такие моменты. Но волна ожидания новой встречи уносила, как щепку, колючую самоиронию. Если им удавалось среди недели побыть несколько часов вместе, Юля не позволяла к себе прикоснуться до тех пор, пока не смывала почти незаметную косметику, безжалостно подставляя струям воды запах «Шисэйдо феминити дю буа». «Вы же со мной не ради гламурных причиндалов дружите, Вячеслав Александрович? Другим они тем более не нужны», — полушутя-полусерьёзно говорила она, убегая от его страсти в ванную.

Их разговоры, особенно в первые месяцы отношений, обходили домашние темы, как минные поля. Юля много рассказывала о своём детстве, родителях — людях бескорыстных, с неизбывным чувством долга. Рассказывала, что помнит названия всех гарнизонов, в которых её отцу выпало служить. Скучный быт этих, по её выражению, «военизированных мирков» оказался для неё самым беззаботным и уютным отрезком жизни. Из одного такого гарнизона Юля, настоявшая на своём восемнадцатилетняя девчонка, прихватив для удачи трехтомник любимого Драйзера, отправилась поступать в Харьковский экономический университет.

— Сейчас сама поражаюсь, как ничего и никому не давая, мне удалось набрать проходной бал. Может, то и помогло, что, приехав из медвежьего угла, понятия не имела о каких-то неписано-прописных правилах. Местные аборигены-наставники смотрели на меня маслеными глазками. А я, не помышляя ни о чём, с совестью комсомолки, шла сдавать

экзамены. Думаю, приняли меня скорее для обламывания рогов, чем за знания, — делилась она с Вячеславом.

Постепенно всматриваясь в Юлино прошлое, он, как ни странно, узнавал в нём себя молодого. Ещё до его ухода в армию отец с матерью категорически настаивали на пединституте. И в течение двух лет его службы они наперебой твердили из письма в письмо: «Сохранишь, сынок, семейную традицию — это раз. Пока будешь учиться, займёшься диссертацией, мы поможем — это два. Если сильно постараться, к тридцати годкам встанешь либо на место завуча вместо матери, либо на место директора школы вместо отца — это три».

Но он пошел по своей стезе. «Я буду технарём!» — шарахнул, возвратясь домой, единственный сын, чем вызвал не один приступ гнева и слёз. Лишь он знает, чего ему стоили эти слова. Отец не разговаривал с ним целый год. Только после того, как он блестяще поступил в Киевский приборостроительный вуз, совсем поседевший отец, придя встречать его на вокзал, сказал: «Я бы радовался твоему провалу сынок. Теперь счастлив. Ты научился оттачивать себя поступками». Да, стократ права Юля: родительский труд оценивается с годами.

Насколько правильно он тогда поступил, делая такие необратимые шаги? И не загнал ли себя в угол под старость лет? Та совместная поездка заставила его ещё глубже погрузиться в топь вранья, разрушая привычный уклад семейной жизни. Несколько дней спустя после проводов сына на стажировку, он заявил жене, что владелец севастопольского морозильного терминала просит его съездить в Одессу, протестировать предполагаемое к закупке оборудование. От приглашения друзей на вершину Демерджи для «проветривания» с новичками парапланов тоже пришлось отказаться под предлогом срочной командировки. Помимо прочего, когда за ним уже закрылись двери купе, его мобильный разразился «Полётом шмеля». Звонил выгодный клиент, с которым нельзя было портить отношения и которому он вынужденно дал телефон своего конкурента. Но набравший скорость поезд, отдельное купе, молодая женщина с неотразимым выражением лица затмили добровольно нагромождаемые проблемы.

— Очень сложно было уехать из дому? — задал Вячеслав вопрос первым, вертя выпавший из её сумочки флакон «Шисэйдо феминити дю буа».

— Не сложнее, чем тебе. Попросила мать с Катюшей побыть. А муж интересуется моими делами постольку поскольку. Главное, чтобы от них доход имелся и дачка в Гаспре скорей подрастала.

— Я видел как-то тебя с ним в городе. Он мне показался другим.

— Мне, Слава, тоже так казалось, когда замуж выходила. Сестра отца, у которой жила, пока училась, помню, уши насквозь прожужжала: «Какой великолепный внук, какой подающий надежды архитектор вырос у соседей-профессоров!». Теперь это великолепие, которое всего на четыре года старше меня, превращается в сушеный гербарий с вымороченными амбициями.

— Почему?

— Причин много, — ответила Юля, расстилая на столике салфетку для своих печёностей.

— Четырнадцать лет совместного проживания обшаркали наши представления друг о друге. Кроме того, среда обитания изменилась: потворствуя — не пестовать, не высовывать положительных черт во избежание неприятностей. Так, конечно, безопасней, дешевле, проще. Только у некоторых такой способ общения вошел в повседневный

обиход. Мы-то — ладно, как-нибудь перебьёмся. Лишь бы судьбинушка-козлинушка не заставила дочь отвернуться от истины, что не всё подвластно деньгам.

— Невзирая на то, Юля, что действительность на каждом шагу вдалбливает: купленное прочнее заработанного и счастье не в деньгах, а в их количестве?

— Да, на каждом шагу. Но ты, Слава, лучше меня знаешь, что возведённая в абсолютистскую самоуверенность лопаётся мыльным пузырьком. Я стараюсь не наспигивать своего ребёнка только односторонними формулами так называемой успешной жизни. Хочу, чтобы моя дочь, выйдя на простор самостоятельности, умела не попадаться в ловушки своих прихотей. Чтобы спустя много лет, когда достигнет намеченных целей, не оказалась у золотого или медного корыта одиночества.

— Судя по её фотографии, которую ты носишь с собой, Катюша — точное твоё повторение. Даже каштановые волосы с пепельным отливом будто с тебя списаны. С такими данными жить и красиво, и сложно. Так же, как управляться с норовистыми лошадьми.

— Понимаю, Слава, о чём ты. Если она решит пустить свою внешность с молотка, значит, грош цена мне как матери. Но, помимо милой мордашки, у неё есть воля и склонность к анализу. Я тебе рассказывала: пока её подружки из интернет-чатов не вылезают да по гинекологам начинают бегать, она на таэквондо ходит, умные книжки читает, готовясь к юридической карьере.

— Ей известно, что ты не одна поехала в Одессу?

— Известно. Знает о тебе уже с месяц. Как-то спросила, почему у меня в глазах что-то такое зажглось, чего раньше не было. Я ответила, что появился человек, с которым не могу не общаться, потому что ему нужна моя душа. Тогда она снова спросила: «Не тот ли это дядечка, который в прошлые мои именины свозил тебя с перевала, а в эти передал мемуары Ивана Ефремова?» Услышав, что тот самый, не по-детски откликнулась на просьбу подождать, не делать скороспешных выводов. Сказала только: «Не комплексуй, ма. Выводы не обгонят моё тринадцатилетие. А сравнивать — буду».

— Умно, Юля, даже слишком. Но какое же тогда у неё отношение к отцу?

— Она любит его снисходительно-жалеючи, стараясь не замечать раздражающих недостатков. Ясно понимая, что без него не было бы и её. Дети сегодня в ползунках начинают взрослеть. Не то что мы когда-то.

— Жалеешь о прошлом, где вместо средств были надежды? — спросил Вячеслав, откупоривая взятое с собой вино.

— Мне некогда об этом думать. Столько отдано сил, чтобы иметь сегодня своё место под солнцем. Начну головой по сторонам вертеть — заблужусь в трех соснах. Не имею права. На мне престарелая мать и дочка-подросток.

— Удивительная ты всё-таки женщина! С такой неразъеденной моралью умудряешься в джунглях фискальной работы удерживаться. Да тебе прижизненный бюст за отвагу надо ставить.

— Какая там мораль! Просто моя скорпионья сердцевина из-за духа противоречия никак не оскотинится. А бюст предпочитаю услаждать твоими поцелуями, не выставляя на всеобщее обозрение.

Так, сотканная из витиеватых разговоров, сдобренная пирожками с печёнкой, ватрушками с абрикосовым вареньем и медленно опустошаемой бутылкой вина «Мускат белый красного камня», промчалась в тот раз их первая ночь. Ночь, наполненная незамеченным

стуком колёс и пьянящей щедростью излюбленных ласк. И ещё целые сутки по прибытии в Одессу принадлежали только им...

— Кто ж обитает в этой хатке с видом на приморский бульвар? — обняв Вячеслава возле окна из морёного дуба, проворковала Юля.

— Одессит в четвёртом поколении, мой бывший однокурсник, в славном прошлом кандидат технических наук, ныне торговец недвижимостью Кекельзон Савелий Исаакович. Кстати, уехавший с семьёй любоваться норвежскими фиордами.

— Ты шутишь?

— С какой стати? За последние двадцать лет Сева весь мир исколесил. Теперь вот, разменяв пятый десяток, по второму разу земной шар обследует. Я в случае командировок всегда у него останавливаюсь.

— А ключи от квартиры Сева Кекельзон выслал тебе из Норвегии?

— Почти угадала. Мы с ним вроде названных братьев. На втором курсе института у нас были показательные выступления по спортивным прыжкам. Отлично выполнив «этажерку», мы с Севой стали расходиться. И тут он попал в косые возмущённые потоки. Его куполу сильно подвернуло левое «ухо», Севка из-за малой высоты не успевал выровнять увеличивающееся крен купола. Дергать запасной парашют было бесполезно, ему уже не хватило бы времени для необходимого торможения. Всё происходило в доли секунд перед моими глазами. Сманеврировав, я сумел опять «подойти» к Севе, давая ему возможность ухватиться за себя. Нам удалось это сделать. На одном парашюте и сели. Когда неделю назад Сева был в Крыму, на мой намек, где можно пожить в Одессе день-два, чтобы красиво и мягко, он ответил: «Только у меня. Ключи опосля вернёшь».

— Не будь я участницей происходящего, ни за что бы не поверила, что такое сегодня возможно. Тем более — в Одессе.

— Знаешь, что мне сказал когда-то старый еврей — Севин дед? «Спасибо, Славик, что не забыли на высоте, с чем пришли в мир. Севушка тоже не забудет».

— Как тебя много, Слава! Неправдоподобно много. До смерти обидно: почему не мне суждено было оказаться на месте Севы с его парашютами?

— Тебе не нравится твоё место, Юля?

— Может ли оно нравиться, если каждый день жду, что жена поставит тебя перед фактом оскорбленного чувства. Думаешь, не вижу, как иногда штормит у тебя в душе? Чуть больше года прошло, как мы познакомились, но, хочешь верь — хочешь смейся, мне уже непонятно, как, прожив тридцать шесть лет, могла не знать тебя, не быть с тобой.

— Однако, Юленька, незнание меня не помешало тебе стать самодостаточным, финансово благополучным, перспективным человеком. То, что я даю тебе сейчас, — это пик, за которым последует спуск. Чем дальше — тем ниже. Ты не можешь этого не видеть. Тогда на кой ляд к твоей точеной, отстающей от возраста внешности намертво пришпандоривать мой пятидесятидвухлетний хомут? Не хочу, чтобы ты однажды пожалела о наших отношениях.

— Ты привёз меня в Одессу, чтобы бросить?

— Я привёз тебя в Одессу, потому что ты молчала, но хотела чего-то подобного. Потому что никогда не мог представить себя в роли перезревшего мачо. Потому что жизнь одна, а вариантов у неё куча. Но, даже зная, что большинство этих вариантов не по твоему горбу, всё равно при выпавшем шансе охота попробовать из стрекозы превратиться в орлана. Пусть и на короткое время.

— Ты и впрямь больше похож на копытное животное, чем на пернатую особь. Пытаешься лягать по мне своей логикой, попадая в самого себя. Это же стало ясно с самого начала: мы не могли не встретиться! Потому что по всем параметрам слеплены друг для друга. У нас даже машины оказались одинаковыми. Пойми, Слава, ни твоя, ни моя прошлая семейная жизнь — не заготовка, не пробный шар. Она просто другая. Настоящая, полноценная, но другая. Зачем же из-за порядочности обкрадывать собственные чувства, собственное будущее? Рассчитываешь, что через семь — десять лет кто-то оценит твою жертву?

— На этот вопрос, Юленька, я смогу внятно ответить именно через десять лет, если доживу. А ближайшие тридцать пять часов, которые у нас ещё есть, давай подарим только друг другу. Не вклинивая в них наших дилемм.

— Как-то не ухватишь сразу, чего в вас больше, дорогой Вячеслав Александрович. Честности или хитрости?

— Скорей всего самцовости. Со всеми вытекающими из неё последствиями. Поэтому предлагаю вам, Юлия Михайловна, продолжить наш маршрут: ресторан «Гамбринус» — вечерняя прогулка по майской Одессе и, если хватит силушки, ночное бдение на ореховой тахте...

На обратном пути они тоже почти не сомкнули глаз. Будто отбивая колёсами дробь по двум душам, поезд летел в Крым с молниеносной скоростью. Положив к нему на колени голову, Юля долгое время наблюдала за мелькающими на потолке тенями. Потом вдруг спросила:

— Как ты думаешь, куда мы сейчас едем — к себе или от себя?

— Любой мой ответ будет кривобоким и пошлым.

— Обратил внимание, за эти трое суток домой звонили только мы? А нам из дома — ни разу.

— Звонки не отменяют и не изменяют происходящего.

— То есть ты хочешь сказать: нам лучше плыть по течению, пока сами собой не прибьёмся к какому-то счастливому берегу?

— Да, милая. Для меня уже то непомерное счастье, что оказался с тобой в одной речке.

— Интересно, счастье всегда слегка горчит, когда узнаёшь его настоящий вкус?

— Наверное. Потому что не может не смешиваться с окружающим гарниром, — ответил он, прижимая её ладонь к своей щеке.

А утром, выходя из вагона, увидел на перроне ждущую его Варю...

Подвесную систему резко качнуло вперёд, потом в сторону. Мотопараплан попал в полосу сильных восходящих потоков. Будь у Вячеслава сейчас простой спортивный полёт, лучших потоков для состязательных сальто-мортале и желать нельзя. Но сегодня он поднялся в небо, чтобы найти другое. Набрав сорок метров дополнительной высоты, ему удалось, не запуская винта, «вырулить» из слишком активной термальной зоны. Циферблат, прикрепленный к предплечью куртки, показывал без четверти шесть. Заканчивался второй час полёта. Несмотря на такое длительное пребывание в чуждой среде, Вячеслав не чувствовал особой усталости. Ноги в ботинках со старыми стельками, холодные струи воздуха тоже не донимали. Погодные условия этого сентябрьского дня будто договорились между собой относительно совершаемого полёта. Южный ветер, как

на заказ, «держал» парашют, почти не меняя нужного направления, позволяя не отвлекать много сил и внимания на аэродинамику.

На высоте двухсот девяноста метров к нему потихоньку стало возвращаться душевное равновесие. Вячеслав оглянулся. Множество лепестков-парашютов продолжало парить на разной высоте над побережьем. Из-за дальности расстояния, больше догадываясь, нежели видя, что среди них нет красно-белого крыла, подумал: «Досадно! Наверно, Рамиль так и не поднялся. Угроздило ж так шибануться! Ни отдохнуть, ни вкалывать на полную катушку. Или сейчас думоносный стул помогает добивать заключение диссертации? Пока наши пацаны на Альбионе менеджмент осваивают, мы тут, точно близнецы, маемся. У одного свербит — другому худо. И чхали обстоятельства, у кого татарская, у кого русакская кровушка».

Впереди, заливаемый предзакатными лучами солнца, закрасовался Меганом. Сейчас это природное изваяние походило на золотой самородок подковообразной формы с живыми разводами малахитовой зелени. Солнечный свет стекал янтарным мёдом с краёв величественного мыса и, касаясь морской глади, расплзался по изумрудным оттенкам околородной синевы. Пролетев ещё метров триста в сторону маяка, он узнал очертания скалы-лифта. Точно, вон то место, откуда удобней забираться в каменную шахту.

— Не решишься — останешься в девках, — прокричал Вячеслав из воды двадцать четыре года назад робкой девушке, игнорируя её нерешительность и страх перед зияющей дырой. С отчаянной решимостью она стала спускаться в темную неизвестность. А когда её голова скрылась из виду, он стремглав нырнул к подводному отверстию, чтобы встретить выплывающую из него Варю. Вынырнув вдвоём, они невольно прижались друг к другу, и он впервые поцеловал губы будущей жены. Да, по какой-то внутренней подсказке привёз он Варю сюда. Потому что именно здесь тем далеким воскресным днём сфокусировались их будущие отношения — рачительной силы и расцветающей женственности. К тому моменту она училась на третьем курсе мединститута. Русоволосая, кареглазая, краснеющая по поводу и без повода, она приходила к его матери для дополнительных занятий по химии. «Здравствуйте, Вячеслав Александрович». — «Здравствуйте, Варя». — «До свидания, Вячеслав Александрович». — «До свидания, Варя». Это всё, что он слышал и отвечал на протяжении двух лет, иногда сталкиваясь с нею в квартире своих родителей. Но однажды они встретились на дне рождения сестры общего знакомого. Чем она отличалась от других персонажей женского пола, сидящих за столом? Движениями. Они у неё были не стеснёнными или ленивыми, но какими-то вдумчивыми, умиротворяющими. Вячеслава заинтриговал этот неожиданный контраст между робостью и неброским достоинством. Он вызвался её проводить. Идя по набережной Салгира, разговорились.

— Наверно, давно надо было спросить, почему вы выбрали белый халат?

— Интересно узнавать изнанку вещей. Люди разные, страдают же все одинаково.

— Поэтому так усилено занимаетесь химией? Хотите заформулировать панацею, пустив её по полям всех бед?

— Она даже от Парацельса ускользнула, от меня — тем более. Просто в химии я двигаюсь, как на ходулях. Из-за неё чуть не провалилась при поступлении.

— Ничего, сейчас трудно, но позже начнёте скучать по институтской скамье. На себе испытано. Только диплом в руки возьмёшь — моментально на два-три года назад захочется, к сессионным гонкам и прочим студенческим забавам.

— Возможно, когда-то так и будет. А сейчас у меня «одна, но пламенная страсть» — поскорей окончить вуз и начать работать.

— Я вам, как будущему медику, кажусь старовато-языкатым экземпляром, да, Варя?

— Нет, вы другой.

— Какой?

— Собранный и хороший. Мой младший брат чем-то на вас похож.

— Тогда почему вы всегда краснеете, когда меня видите?

— Разве вам это не нравится?

— Честно говоря, никогда об этом всерьёз не думал.

— Зачем же спрашиваете?

— Чтобы перейти с вами на «ты» и пригласить на Меганом. Согласны или будете дальше краснеть?

— Согласна. Я на Меганоме ни разу не была. Только слышала, что там очень красиво.

— Значит, договорились. Встречаемся в шесть утра в воскресенье у вокзальных касс. Хорошо, Варя?

— Хорошо, Слава.

Ещё вчера едва знакомая девушка заполнила его мысли, душу чем-то непередаваемо новым, хрупким, нежным, что постепенно превращалось в неотъемлемую часть его самого. Смешно сознаться, Вячеслав монашествовал с Варей чуть ли не весь срок жениховства. Может, даже не вполне осознанно с помощью этого действия-воздержания ему хотелось перед намечаемым серьёзным шагом получше разобраться в их отношениях. Его самолюбие и опыт тридцатилетнего мужчины были с лихвой вознаграждены Вариной невинностью и наивными представлениями о постели. За полгода до свадьбы, в новогоднюю ночь, в только что полученной им квартире был перейден Рубикон возделенного ожидания.

Они поженились через два года после знаменательного дня, проведённого на Меганоме. У Вячеслава никогда не было весомых поводов жалеть о своём выборе. Он знал, что Варя всегда чувствовала себя с ним как за каменной стеной. Стеной, за которой её мягкость, её ненавязчивая настойчивость, её чуткая интимная темпераментность и безоглядное доверие к нему сохранялись, как кувшинки на поверхности зорко оберегаемого озера. Конечно, они переживали разные времена. Особенно тяжело было в перестроечном буреломе, когда он решил уйти с предприятия, проработав на нём семь послеинститутских лет.

— Торговать и воровать ты никогда не сумеешь. А своё дело у тебя не может не сладиться, — поддержала намеренье Вячеслава его молодая, кормящая грудью жена.

Среди жиревшего хищного меркантилизма, среди бандитских разборок и повального разброда Вячеслав сызнова учился своему делу. От кооператива-сарая по ремонту и обслуживанию рефрижераторов к доходной сервисной фирме — таков путь, проделанный им за два с лишком десятилетия. После похорон отца и через год после смерти матери несущими опорами его существования, двумя живыми зеркалами, отражающими пройденное и достигнутое, стали Варя с Ванькой.

Что же произошло? Что заставило Вячеслава так сразу, так безотказно впустить в свою (как он привык думать) со всех сторон подогнанную жизнь другую женщину? Ответ на этот сокрушительный вопрос до самого последнего момента оттягивался им. Но приход жены на вокзал и последовавший дома разговор прорвали плотину недосказанности.

— Ты собрался от нас уходить, Слава? — не давая Вячеславу встать из-за обеденного стола, заговорила Варя, останавливая тем самым оползень молчания, разделивший их ещё на вокзале.

— Откуда ты узнала, что я поехал не один?

— На работе, случайно. Моя больная продала тебе билеты на два разных паспорта в отдельное СВ. Повторить вопрос?

— Мне нечего отвечать.

— Но нельзя же бесконечно держать всех в подвешенном состоянии. Второй год пошел, пора определиться.

— Тебе так давно об этом известно?

— Доброхотов с ворохом подробностей хватает. Не сегодня — завтра и наш сын может узнать. Пока его нет, нам необходимо выяснить, что к чему. Не для того мы столько в него вложили, чтобы теперь разрывать между собой его недозревшую душу.

— Выходит, ты пришла на вокзал, чтобы не разрывалась Ванькина душа?

— Не загораживайся ёрничеством, Слава. Мне тошно не меньше. Страусиную методику мы с тобой исчерпали.

— Зачем нужно было появляться на вокзале, Варя? Для чего ты продемонстрировала эту бабскую унижительность перед нею?

— Это не бабская унижительность. Я должна была посмотреть на женщину, которая хочет внести исправления в твою жизнь.

— О каких исправлениях ты говоришь?

— Ты увидел в ней альтернативу проведённых со мною лет. У меня не осталось никаких сомнений, что дело не в постельных новшествах, даже не в том, что она моложе. Моя с нею разница, Слава, в другом. Всю нашу совместную жизнь я подчеркивала в тебе мужика, а она стала дополнять. Твоя цельная натура, сила характера, помноженные на креативность этой женщины, вполне возможно, точнее сказать — непременно достигли бы большего, чем со мной. Хочешь начать с чистого листа — начни. Не мне одной нужна определённость.

— Решила, препарировав мои мозги, прижать меня своим благородством? Отменная тактика! Не ожидал.

— А ты думал — зайдусь в рыданиях, вымаливая какие-то подачки-обещания? К чему, Слава, отшвыривать тебя ещё дальше от прошлого? Будущее в этом и без меня преуспеет.

— Я не собираюсь ни от чего отказываться в угоду кому-либо.

— Уже отказываешься, деля с другим мужчиной эту женщину. С твоею-то чистоплотностью и брезгливостью пойти на подобные поущения — равносильно глотанию живых ежей. Как видишь, первые шаги — налицо, следующие — не за горами.

— Выворачивая меня наизнанку, пытаешься сделать из себя мученицу-правдолюбку?

— Здесь ты прав. Мне не хватило желания научиться смотреть на наш брак с разных сторон. Слишком долго казалось, что знаю наше отношение друг к другу досконально. Я слепо доверилась своему везению. Ты всегда берёг мои чувства. Зная, что боюсь высоты, никогда не настаивал, чтобы прыгала с парашютом или поднималась с тобой на парашюте. Это один штрих из множества. Удобно было думать, что, женившись в тридцать лет, ты осчастливил не только меня, но и себя. А ведь и до, и после свадьбы твоя мудрая мать не раз мне говорила: «Вылепить из хорошего мужика хорошего мужа — полдела. Надо ещё самой не отстать от полученного результата». Моя главная ошибка,

Слава, наверное, в том и состоит, что, сосредоточившись на домашнем комфорте, воспитании сына, наших сексуальных потребностях, упустила момент, когда всего этого оказалось мало для тебя.

— Это не совсем так.

— Но это правда. Я стала относиться ко всему, что нас связывает, как к неизменному порядку вещей. Получается, обманула саму себя, стараясь соответствовать твоему представлению о жене и матери, а не о деловом партнёре в домашних стенах. Правда и то, что созданный тобою бизнес превратился в четвёртого члена нашей семьи. Ты сам по кирпичику возвращал и защищал своё детище, почти не прибегая к моей помощи. Оглядываясь назад, должна признать: ничего конкретно весомого к твоему делу не добавила. Нет, оно не было мне безразлично, — абы доход шел. Просто претило выглядеть перед тобой смешной и недалёкой, давая пятикопеечные советы по финансовым схемам и заливке фреона. В конце концов недостающее звено нашлось в этой женщине. Но жить по правилу: тебе половина — и мне половина, довольствуясь непоправимым, не хочу и не буду.

— Гордостью и принципами надолго не насытишься. Ты об этом подумала, выпроваживая меня, как вшивую собаку?

— Ты предоставил мне достаточно времени, чтобы очень хорошо подумать. Нашу квартиру, где был зачат и вырос Ванька, как мы с тобой однажды решили, должны оставить ему. Благо, нам есть куда разбегаться. Я пока останусь здесь. Позже, когда сын закончит учёбу и немножко встанет на ноги, переберусь в оставленную мне родителями квартиру. Или уеду к ним и брату в Суздаль.

— Ты в самом деле готова вот так — наотмашь — уйти от меня? Бросишь дальнейшую жизнь на карту неизвестности?

— Самую страшную неизвестность я пережила за этот год. Когда ты стал отключать мобильник в определённые часы. Когда делал вид, что не замечаешь моих вопросительных взглядов. Когда по восходящей о чём-то переживал, становился раздражительным, перестал интересоваться моими делами на работе. А когда решила не спать с тобой в одной постели, ты отнёсся к этому как к норме, не спросив: «Почему?». Поняв причину, я молчала, чтобы не усугублять ситуацию и дать сыну спокойно готовиться к стажировке. Теперь могу сказать: не доводя до склок и ненависти, лучше расстаться.

— По-твоему, Варя, такое решение не станет для Ивана ножом в спину, когда вернётся?

— Именно до его приезда надо нам до конца вшкуриться в новые обстоятельства. Ванька не должен видеть наших мытарств. Он ведь только внешне на меня похож, а пружины характера у него твои: решил — отрезал. Вобьёт в молодую башку, что семейная жизнь — липа, и начнёт с этим зихером выстраивать свои перспективы...

Три дородные сизые утки, поравнявшись с парашютом, в панике закричали. Однако с минуту краснолапые собраты, уступая любопытству, летели параллельно с ним. Потом хвостатое трио, видимо, решило больше не рисковать, сделало крутой вираж и метнулось в противоположную морю сторону.

Линию горизонта наполовину зашторили розоватые облака. Дёрнув ручку запуска резко от себя, Вячеслав в ту же секунду услышал, как за спиной ритмично заурчал мотор, мягко нагнетая обороты винта. Дорогая покупка прилежно себя оправдывала. Незадолго до

отъезда сын уломал-таки его купить этого «японца», выложив половину стоимости из своих сбережений. Правда, облетать как следует новое приобретение не успел. Всего-то несколько раз Вячеслав, Иван и Алим по очереди пробовали подгрести с новеньким винтом на горбу к облакам над Чатырдагом и Эклизи-Буруном. Из-за отсутствия Рамиля и постоянного цейтнота съездить всем вместе сюда в этом сезоне так и не пришлось. Ванька давно собирался заснять мыс в час раннего заката, подлетев к нему с морской стороны. И вот, зная, что осталось около пяти литров бензина, Вячеслав готовился выполнить намеренье сына. Подчиняясь левой клеванте, мотопараплан развернулся на девяносто градусов, оставив позади зубчатый край Меганомы. Граница между двух пространств пересеклась снова.

Да, сегодня четыре месяца, как после разговора с Варей, в тот же день собрав необходимые вещи, Вячеслав ушел из дома, впервые в жизни почувствовав боль в области сердца. Уйдя, больше недели топился в работе и водке, под разными предлогами избегая встречи с Юлей. Оставаясь один на один перед разнокалиберными бутылками, он пускал отуманенные мозги в жижу пошлятины, талдыча на разные лады: «Запал, старый хрен, на вёртку бабу? Всю жизнь готов под хвост смахнуть ради чужой лоханки? Сколько шарниров в ней до тебя провернулось и ещё провернётся? Что ж, некуда больше тыкаться? Оторвать её с мясом и гнать взащей? А сам с повинной головой — на круги своя». Но вечерние бастионы пьяного сарказма проседали по утрам картонными стенками вместе с искушением вернуться.

Однажды, не выдержав, сообщил Юле, что начал жить напару с запоем. Без радости и уточнений она продолжала настаивать на встрече. Даже в очередном сильном подпитии Вячеслав слышал, как рвется к нему из телефонной трубки голос обожаемой женщины. На другой день вечером, поднимаясь на этаж, он уловил знакомый запах духов. Юля стояла под дверью родительской квартиры, держа в руках хозяйственную сумку. Наверно, увиденное ею лицо Вячеслава охарактеризовало состояние любимого ёмче любых слов.

— Если скажешь сейчас же уйти — я уйду. Только возьми, пожалуйста, еду.

Звякая только что купленными бутылками, он стал открывать дверные замки, ответив вопросом:

— Давно здесь?

— Минут тридцать. Может, больше.

— А как нашла?

— Когда-то сам рассказывал об этом построенном пленными немцами доме, где жили твои родители и вырос ты. Вдобавок, людей с фамилией Евланов в Симферополе — раз-два и обчёлся.

— К алкашам и склеротикам бабы с таким запахом духов не ходят. Разве что за имущественной нуждой, — почти с упрёком бросил он, разрешая ей войти.

Включив в коридоре свет, заметил, что Юля тоже изменилась. Её взгляд был усталым, лицо похудевшим.

— Возьми сумку. Ещё рассматриваешься, — краснея, попросила она.

Отнеся продукты на кухню, Вячеслав провёл её по квартире. Не обращая внимания на неубранную постель и легион пустых бутылок, показал отцовскую библиотеку.

Юля остановилась возле полки, где не хватало двух книг, мягко спросив:

— Здесь стоял Ефремов, подаренный Катюше?

И на его кивок горсть свинцовых слов посыпалась из её души:

— Почему, так сразу уйдя из дому, столько дней промурыжил меня? А твоя жена, неужели она поняла и приняла? Отдаю ей должное. Я-то, дура, даже растерялась на вокзале, когда, поздоровавшись, она вынудила меня посмотреть ей в глаза.

— Что ты в них увидела?

— Решительность и достоинство.

Чтобы не спрашивать и не отвечать дальше, Вячеслав буквально накинудся на Юлино тело. Никогда ещё их соитие не было таким ненасытным и продолжительным.

— Что же теперь? Куда будем дальше грести? — после захлёба взаимных ласк, спросила Юля.

— Оттого и не виделся с тобой, что не знаю, куда дальше. Замутило от самого себя, стал кругом опаздывать. Сам раскорячился и других заставляю.

— Значит, нужно от чего-то избавиться, Слава. Объять необъятное всё равно не получится.

— Следуя такому избавлению под занавес жизни, что от меня останется?

— Ты мне нужен любым и навсегда. Приехав из Одессы, я поняла это окончательно.

— Сейчас — да. Но что будет потом, Юля, когда начну спать с тобой в пижаме?

— И сейчас, и потом будет моё везение. Оно не даст мне поскользнуться на промахах Варвары Алексеевны. Такими, как ты, не разбрасываются ни при каком раскладе.

— Ты настолько уверена в Катюше, обрекая её на роль моей падчерицы?

— Совершенно уверена, Слава. Сравнивая, она воочию убедится, что счастье — не синоним приспособленчества.

— Я никогда не говорил, что люблю тебя.

— Зачем говорить, если делаешь...

Юля осталась у Вячеслава на двенадцать дней, сказав, что муж с дочкой находятся в Харькове, проводывая многочисленную родню. Он работал в прежнем режиме — много и чётко. Юля жила с ним в том же ритме. Иногда, приезжая раньше его, успевала что-то сготовить, иногда звонила, что задерживается на деловой встрече. Ожидая её, он поражался себе. Череду фактов, ещё год назад казавшаяся немыслимой, становилась обыденностью.

Вячеслав жил вне семьи, жил под одной крышей с женщиной, принадлежащей не ему одному. По Интернету или телефону общаясь с сыном, он как ни в чём не бывало обсуждал с ним дальнейшие совместные планы по расширению фирмы. Ванька радовал не только своими учебными делами, но и обстоятельными бизнес-проектами, которые выдавал на-гора. Прощаясь, сын неизменно повторял: «Покеда, па, целуй с обнимкой ма», отчего хотелось звать.

Да, поступок жены застал Вячеслава врасплох. Варя раскрылась такими сочетаниями, о существовании которых он не подозревал. Притом, выворачивая его и себя наизнанку, ей удалось сохранить собственное достоинство, даже намёком не оскорбив вставшую между ними женщину. Он никак не мог понять, что его корёжило больше: стыд за причиненную Варе боль, пронизательность её слов относительно Юли или иступлённая бескомпромиссность, с которой жена не захотела за него держаться, в одночасье обрушивая их брак. Мысли, мысли... Они шквальными порывами налетали со всех сторон, будто пробуя его на прочность.

За все двенадцать дней Юля лишь накануне возвращения своей семьи двумя фразами затронула тему развода:

— То, что ты сделал, для меня уже непреложно и бесценно. Но я себе полностью не принадлежу и должна предъявить мужу несдвигаемый аргумент наших с тобой отношений.

Вячеслав обещал Юле принести справку о разводе после знакомства с Катюшей. Последней же чертой, разделяющей его между настоящим и будущим, стали слова, сказанные Юлей неделю назад, в день его рождения:

— Я люблю вас, Вячеслав Александрович. Второй месяц, как я ношу нашего ребёнка...

И вновь внешняя среда оторвала Вячеслава от внутренних диалогов. Описав полукруг, неутомимое крыло заскользило к панорамному побережью. Такой красоты Вячеслав ещё не видел. Меганом полыхал. Скалистые выступы наряду с каменными наростами под мантией пурпурного зарева превратились в фантастические языки невиданного кострища. Боковые глыбы бесподобного мыса, таинственными исполинами выступая из пламенеющего жерла, неотрывно смотрели на стада бесчисленных пенистых «барашков», бегущих к ним по волнистой поверхности. Само море казалось замороженным огненным соседом. Оно словно отдавало ему на заклятие упругую плоть своих едва рождённых тихих волн, которые катились, неуклонно катились к раскалённому подножию и, коснувшись его, покорно исчезали в прожорливом пекле. На сколько хватало глаз, было видно, как всё побережье по обе стороны мыса медленно покрывалось исходящими от него могучими рыжевато-алыми всполохами. А над полыхающим жерлом на фоне бездонного поднебесья образовался нимб из белоснежных облачков. Создавалось впечатление, что не волею ветра и солнца явлена эта картина, но один лишь Меганом был движущей силой происходящего.

Выбирая лучший ракурс и давая бризу сносить себя влево, Вячеслав взял обе клеванты в одну руку и вытащил фотоаппарат. Сделал два снимка подряд. Несмотря на быстроту наведения фокуса, осталась уверенность, что схвачено удачно. «Нет, пока Ванька не нащелкает свои виды, не видать ему этих. Тем паче если его окажутся лучше». Улыбнувшись такой мысли, Вячеслав сунул фотоаппарат за пазуху и, застёгнув замок куртки, направил мотопараплан к месту посадки. Находясь на трёхсотметровом удалении от берега, в наивысшей точке полёта, почувствовал такую ясность, такой прилив сил, что захотелось крикнуть во всё горло.

Чем ближе подлетал Вячеслав к Меганому, тем чётче сцеплялись причины и следствия, заполнившие последние полтора года. Да, отношения с Варей начали мутировать ещё до Юли. Ему не хотелось, ох как не хотелось признавать этот факт. Мешали самолюбие и страх. Он-то всегда считал, что выбор, однажды сделанный сердцем, не может впредь подлежать ревизии ни с одной стороны, ни с другой. Ведь многие годы он искренне был привязан к любимой женщине — матери его сына. К женщине, с которой разделил трудности и успехи зрелой жизни. Однако прежнее, цельное отношение к сплетённому с ним человеку незаметно ушло, оставив в наследство инерцию. Как знать, может быть, до конца своих дней он прожил бы с женой, замазывая работой, возрастом и любовью к сыну супружеские трещины. Но у него появилась Юля. Отличаясь от Вари очень многим, она сходилась с ней в единственном пункте. Вячеславу снова стало доступно то неохватное, редкостное чувство, которое когда-то так обогатило его, окрылив желанием создать семью. И он испугался. Испугался возможности горшего, уже ничем не поправимого разочарования. С пристрастием рассматривая минувшее эпизод за эпизодом, Вячеслав за

время настоящего полёта сознался себе: не рубани Варя с плеча, сам не ушел бы из семьи, продолжая морочить себя и Юлю урывочным счастьем. «Так-то, мужик, выходит, раскусили твою подкорку раньше, чем собственный умишко докумекал», — молнией сверкнуло в голове. И волна щемящей благодарности к оставленной женщине вырвалась наружу обжигающей слезой. Нет, сожаления не было. Только уже знакомое странное покалывание на секунду сжало его сердце.

Но теперь Вячеслав знал, куда грести. «Да, больше нечего тянуть. Сегодня попрошу Юлю, чтобы в ближайшие дни познакомила с Катюшей. В среду-четверг встречу с Варей, поговорю о разводе», — выполняя манёвр к снижению, решил он. Нет, никогда не оставит Варю без помощи. Часть его личного прибытка будет принадлежать ей. Если даже она станет со своей бритвенной гордостью выбрасывать эти деньги в мусорный ящик, всё равно он найдёт способ поддерживать её. Юля поймёт: это не подкуп совести, не попытка объять необъятное — это он сам. В конце месяца возвращаются Ванька с Алимом. Наверняка Варя согласится поехать вместе с ним, Вячеславом, и Рамилем встречать детей. В таком случае им нужно будет вдвоём заранее подготовить сына к объяснительному разговору. Хорошо бы участвовать в нём всем троим. Конечно, в любом случае, если не внешне, то внутренне Иван встанет на дыбы. Но Вячеслав к этому готов. У него есть все основания верить в своего сына, и он, как всегда, будет говорить с Ванькой на равных. Слова найдутся. Главное сделано: сын научен зарабатывать на жизнь, вставая в своё стабильное дело. Притом в двадцать два года Иван способен неплохо разбираться в людях, отличая истинное от наносного. «Остыв, отпрыск примет вывод: мной двигала не половая блажь с денежным прицелом. И поступил я всё-таки честнее, чем мог бы. Придёт срок, и он сам обзаведётся семьёй. Не моему сыну бегать в холуях пустого эгоизма. С Катюшей тоже незачем заискивать. Пусть сравнивает. Надо правильной понять эту девочку. Тут, как и в наведении новых мостов с Ванькой. Возможно, парашан пособит здесь лучше всего», — подытожил Вячеслав, сбрасывая высоту за маяком.

Винт продолжал работать, облегчая выход на траекторию посадки. До условленного с Рамилем места встречи оставалось пролететь метров семьсот. Уже над землей, огибая с левой стороны Меганом, Вячеслав снова задержал взгляд на желто-багряном гиганте. Теперь, пожалуй, лишь на будущий год ему впервые удастся побывать здесь с Юлей. Или нет, после её бракоразводного дележа необходимо привезти их с Катюшей сюда для глотка свежих эмоций. «Их»! Это слово, будто вспыхнув, заискрилось внутри его. Он снова станет отцом! У Юли под сердцем растёт его семя! Растёт новый плод его мужского самоутверждения и душевных сил. Остатки сомнений и недоверия отлетели от него ненужной шелухой в посеребрённый простор вечеряющего моря. Всеми фибрами своего существа Вячеслав ощутил невыразимейшее из мгновений, когда-либо испытанных. Жутко захотелось сейчас же увидеть и обнять женщину, услышавшую и полюбившую самые приглушенные его струны. Да, через несколько часов она уже не увидит на его пальце старого обручального кольца, а в глазах прочтёт: он решил остаться с нею навсегда.

Заглушив мотор, Вячеслав метр за метром сокращал расстояние до земли. Стрелки циферблата часов показывали семь седьмого. Три часа восемь минут — столько прошло времени с начала полёта. Ему удалось сегодня перекрыть личный рекорд трехлетней давности по длительности и сложности воздушного маршрута. Маневрируя на нисходящих потоках, Вячеслав снизился ещё на семьдесят метров, забирая вглубь

побережья. За выступом ближней скалы обрисовалась открытая площадка. Чуть поодаль от неё косой солнечный луч нежился на дымчатом капоте джипа. По пружинистому шагу Рамиля, по тому, как он подходит к машине, неся в руках стул и ноутбук, можно было сделать безошибочный вывод: заключительная часть диссертации на фоне судакского побережья явно продвинулась. «Вот каким боком дедовская орешина услужила Рамилю, да и мне заодно», — усмехнулся Вячеслав. Кладя на заднее сиденье вещи, Рамиль внезапно обернулся в его сторону. Продолжая снижаться, Вячеслав нажал кнопку радиосвязи, чтобы восславить с небес без пяти минут доктора наук... Вдруг острая боль кинжалом пронзила грудь. До земли осталось меньше сорока метров, когда занемело левое предплечье. Со лба пополз холодный липкий пот. За мгновение вес собственного тела сделался невероятным. Руки непроизвольно разжались, выпуская стропы управления. От напора ветра и нарушенного равновесия мотопараплан резко накренило вперёд, разгоняя и неся на скалы. Усилием воли, преодолевая потерю сознания, одну за другой Вячеслав поймал клеванты и потянул обе вниз, восстанавливая линию торможения. В тот же миг услышал в шлемофоне:

— Слава! Что?!

Слабеющий мозг не дал языку тратить капли ускользящей жизни. Он успел увидеть и услышать, как, не получив ответа, Рамиль бросился ему навстречу и выплеснул в рацию:

— Только не грохнись, дорогой!

«Упасть животом, чтоб мотор... Как она сможет? Всё-таки...», — перед самой землёй трепетали в мозгу Вячеслава обрывки сознания.

Он не помнил, как приземлился. Придя в себя, почувствовал: кто-то освобождает его от снаряжения. Когда с недвижимого тела был снят шлем и откреплён мотор, стало вроде бы легче. Чьи-то руки распахнули на нём куртку, потом в какой-то спешке расстегнули пуговицы рубашки. Подняв тяжелые веки, Вячеслав встретился с глазами друга. Рамиль не отвёл взгляда, в котором страшная сосредоточенность вытесняла отчаяние и бессилие. Порыв прибрежного ветра взметнул часть лежащего рядом купола. Бело-синяя ткань изогнулась дельфином, коснувшись краем лица Вячеслава, и с последним ударом его сердца осела на траву.

Февраль — сентябрь 2007 г.

Сергей Пяташ

[1](#) контрольно - ревизионное управление